

**Н.С. Ищенко,**  
**Луганская государственная академия культуры и искусств**

**НЕО-ХРИСТОС И МОРФЕУС-ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ:  
НОВОЗАВЕТНЫЕ ПРООБРАЗЫ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ «МАТРИЦЫ»**

В докладе показано, как в жанре киберпанка в фильме «Матрица» воспроизводятся новозаветные образы Иисуса Христа (Нео) и Иоанна Крестителя (Морфеус). Автор демонстрирует соответствие основных сюжетных коллизий фильма эпизодам взаимоотношений Христа и Иоанна Крестителя в Новом Завете, а также обосновывает отличия в семантике образов влиянием протестантской религиозности.

Ключевые слова: киберпанк, кино, Новый Завет, Матрица, Нео, Морфеус, супергерой, христианство, Иоанн Креститель, протестантизм.

**N.S. Ishchenko,**  
**Lugansk State Academy of Culture and Arts**

**NEO-CHRIST AND MORPHEUS-JOHN THE BAPTIST: NEW TESTAMENT  
PROTOTYPS OF THE MAIN CHARACTERS OF THE "MATRIX"**

The report shows how the New Testament images of Jesus Christ (Neo) and John the Baptist (Morpheus) are reproduced in the "Matrix" movie in the cyberbank genre. The author demonstrates the correspondence of the main plot collisions of the film to the episodes of the relationship between Christ and John the Baptist in the New Testament, and also substantiates the differences in the semantics of images by the influence of Protestant religiosity.

Keywords: cyberpunk, cinema, New Testament, Matrix, Neo, Morpheus, superhero, Christianity, John the Baptist, Protestantism.

Американский фильм «Матрица», созданный более двадцати лет назад, приобрел большую популярность и вошел в культурное пространство разных народов современного мира. Фильм изображает мир как компьютерную симуляцию, что становится всё более актуальным благодаря прогрессу компьютерных и цифровых технологий. Фильм «Матрица» возник в американской культуре, где всегда были сильны протестантские идеи. Христианские образы и параллели в «Матрице» обращают на себя внимание

зрителей и стали предметом анализа современных богословов. Уточняя предложенную христианскую трактовку таких мотивов фильма, как мессианство, воскресение и спасение, рассмотрим христианские прообразы двух главных героев «Матрицы» – Нео и Морфеуса.

«Матрица» – это серия фильмов-боевиков режиссеров Вачовски, состоящая из трех частей. Трилогия началась с фильма «Матрица», выпущенного в 1999 году. Позднее, в 2003 году, вышло два продолжения: «Матрица: Перезагрузка» и «Матрица: Революция».

Фильм стал событием не только в киноиндустрии, но и в мировой культуре. Образы, перипетии сюжета и главная идея фильма о мире как компьютерной симуляции стали достоянием разных культур современности. Подлинное устройство мира является предметом как философии, так и религии, поэтому неудивительно, что философы культуры и богословы обращались к этому произведению и давали свои интерпретации.

В философском анализе «Матрицы» основной акцент делается на теории симулякров Бодрийяра, а главный герой понимается как сверхчеловек в современном дискурсе. Так, Д. А. Беляев пишет: «Первоначально образ Нео предельно близок вариантам сверхчеловека массовой культуры – локальному концепту “супермен”, вобравшему в себя многие христианские мотивы. Нео, т.е. “новый”, позиционирующий себя как “новый” человек, сверхчеловек – призван освободить человечество от насажденной суперкомпьютером виртуальной реальности. Нео, согласно пророчеству, объявляется “избранным”, обретая в глазах окружающих статус “спасителя”, “освободителя” с явно выраженной мессианской составляющей, что имеет прямые коннотации с образом Иисуса Христа и соответственно с одним из локальных инвариантов концепта сверхчеловека – “богочеловек”» [1].

Мессианская составляющая фильма была прокомментирована и с религиозных позиций. К фильму «Матрица» обращались современные православные богословы, которые отметили христианские семантические элементы в фильме, особо остановившись на спасении и воскресении. Основная идея фильма понимается как протест против общества потребления с христианских позиций. В ходе анализа фильма с православных позиций найдено много значимых моментов сюжета, имеющих христианское происхождение, однако не раскрыта параллель двух главных героев «Матрицы» с персонажами Нового Завета, которая и будет рассмотрена в данном докладе.

Так, Андрей Кураев не увидел в фильме почти ничего ценного с точки зрения христианина. Автор рассматривает все три серии фильма как целое,

уделяет особое внимание буддистской идее кармы, находит параллель финальному для первой части появлению Нео в Матрице в сюжете сошествия Христа во Ад, а также обращает внимание на семантику воскресения [Кураев]. Его вывод: «Оттенки христианские в фильме есть, но говорить, что это наше, — нельзя» [2].

Полемизирует с Кураевым Дмитрий Моничев в статье «Христианский взгляд на “Матрицу”». Автор также рассматривает трилогию в целом, центральной идеей трилогии он считает борьбу христианских ценностей против общества потребления. Выражение этой идеи автор видит в финальном разговоре Нео с Архитектором и гибели Нео в конце третьей части за людей Сиона, которые противопоставляются иллюзорному миру Матрицы, символизирующей общество потребления [3, с. 97 – 99].

Не отрицая предложенной трактовки, хотелось бы уточнить и дополнить ее новыми деталями, а именно явными параллелями не только мотивов, но и персонажей фильма с персонажами Нового Завета. В настоящем анализе «Матрицы» будем рассматривать только первую часть, в которой базовая параллель с новозаветными героями выражена наиболее ярко и цельно. Отметим семантически нагруженные элементы сюжета первой части трилогии и сравним их с подробностями земной жизни Христа, которые приводятся в Новом Завете и вошли в культурный код протестантского культурного региона.

Итак, простой программист конца XX века Томас Андерсон ведет двойную жизнь. Он хочет понять, как устроен мир на самом деле, и в своих поисках выходит на связь с подпольной организацией, во главе которой стоит Морфеус. Нео попадает в ряды этой организации, сделав свободный выбор, и в результате процесса, который в основных чертах повторяет процедуру водного крещения, Нео смывают в бассейн, он тонет в воде, но Морфеус достает его из воды.

Нео узнает от Морфеуса, что Матрица иллюзорна. Морфеус пробуждает людей, раскрывая им правду о Матрице, и борется вместе с ними за то, чтобы Матрица была уничтожена. Тем не менее, с самого первого появления Нео в отряде Морфеус подчеркивает его превосходство. Когда Нео пожимает ему руку и говорит: «Для меня это честь – познакомиться с вами», Морфеус отвечает: «Это честь для меня». Морфеус считает Нео Избранным, и всячески подчеркивает, что именно новичку Нео принадлежит решающая роль в будущем разрушении Матрицы.

В развитии действия Морфеус жертвует собой, чтобы спасти Нео от агентов Матрицы, в результате чего оказывается в тюрьме. Нео выручает

Морфеуса, но сам попадает в руки агентов и гибнет. Далее имеет место сцена с воскресением, христианскую семантику которой отметили все комментаторы. Именно воскресение Нео показывает его победу над Матрицей и позволит ее разрушить. Фильм заканчивается тем, что Нео демонстрирует всем людям свою победу над базовыми законами «Матрицы» – способность летать. Эта способность стоит в одном ряду со способностью воскреснуть после выстрелов в упор и символически обозначает воскресение.

Все отмеченные сюжетные элементы имеют явные параллели в Новом Завете. Взаимоотношения Нео и Морфеуса повторяют в основных моментах взаимоотношения Иисуса Христа и Иоанна Крестителя. Рассмотрим этот сюжет, как он приводится у Матфея.

К тому времени, когда Иисус начинает свою проповедническую деятельность, Иоанн Креститель уже давно занимается проповедью и имеет большую известность как пророк: «Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои» (Мф, 3 : 5–6). Аналогично и Морфеус собрал большую группу последователей и уже хорошо известен в мире Матрицы.

Иоанн Креститель действовал вне рамок официальной религиозности того времени. Евангелисты указывают на его постоянные трения с ведущими религиозными течениями того времени: «Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?» (Мф, 3 : 7).

В фильме эта идея выражена гораздо резче, противостояние доведено до прямой охоты агентов за Морфеусом. Агенты – единственные, кто знает, как на самом деле устроена Матрица. Правильное знание о настоящем устройстве мироздания и о способах правильной жизни в его рамках во всех культурах является достоянием религиозных деятелей, то есть агенты в фильме выполняют религиозную функцию. Преследование человека, транслирующего другую версию устройства мироздания, представляет собой показанный средствами кинематографа конфликт официальной и неофициальной религиозности, который в Новом Завете представляет собой конфликт фарисеев и Иоанна Крестителя.

Содержание проповеди Иоанна Крестителя – грядущий конец света: «В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф, 3 : 1–2); «уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода,

срубают и бросают в огонь» (Мф, 3 : 10). Такие же идеи выражает и Морфеус, работая для разрушения Матрицы – единственного известного мира.

Второй важный элемент проповеди Иоанна – пришествие того, кто разрушит этот мир: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф, 3 : 11–12). Подобно Иоанну, Морфеус неоднократно заявляет, что его деятельность имеет смысл как подготовка к появлению Избранного, который разрушит Матрицу.

Иоанн назван Крестителем, потому что он крестит водой. Крещение водой представляет собой погружение крещаемого в реку. Именно так происходит крещение Иисуса, который сам нашел Иоанна и пришел к нему креститься: «Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него» (Мф, 3 : 13); «И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды» (Мф, 3 : 16). Рассматривая водное крещение Нео, Монишев находит параллели с прохождением евреев через Красное море и с крещением, которое совершается над каждым христианином в начале его церковной жизни, однако не упоминает крещения Христа в Иордане, которое совершил Иоанн Креститель [3, с. 100]. Нам же именно эта параллель представляется самой близкой аналогией, занимающей то же место в сюжете, отмечая начало проповеди Иисуса и начало деятельности Нео.

Иоанн говорит о грядущем, которому он должен приготовить путь: «Я не достоин понести обувь Его» (Матфей, 3 : 11). При встрече с Иисусом Иоанн сразу опознает того, кого он ожидает, и снова подчеркивает его высокое положение в единственно важной для обоих иерархии: «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» (Мф, 3 : 14). Мы находим здесь прямую параллель ответу Морфеуса в фильме на вежливое приветствие Нео: «Это честь для меня».

В конце своей деятельности Иоанн Креститель оказывается в темнице: «Ибо Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее. И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка» (Мф, 14 : 3–5). В фильме не усложняется портрет коллективного преследователя Морфеуса и Нео, и вся линия с царем Иродом опущена, однако сохраняется основной мотив ареста Иоанна. Далее сюжет инвертируется: в

Евангелии Иоанн гибнет в тюрьме, в фильме Нео спасает Морфеуса в последний момент перед казнью, совершая невозможное.

Воскресение Нео в финале первой части имеет ярко выраженную христианскую семантику. После смерти Нео воскресает к новой жизни. Именно это воскресение наперекор законам Матрицы позволяет Нео показать остальным людям, заключенным в Матрице, что их мир иллюзорен, а смерть – это шаг навстречу новой жизни. Приобщившись к знанию Нео, люди Матрицы могут повторить его подвиг и обрести свободу. Это выраженная кинематографическими средствами идея обожения, в котором человек побеждает смерть, приобщаясь к вечной жизни, которую дал людям Христос. Эта идея выражена в Новом Завете (Ин.14:20; Ин.17:3, Ин.17:21; 2Пет.1:2–8; 1Ин.2:3–4; Гал.2:20; Флп.1:23; Флп.2:5) и развита в православном богословии.

Несмотря на многочисленные параллели с христианским учением, отметим и отличия фильма от православного учения. В Новом Завете Иисус – Бог, Второе Лицо Святой Троицы. В фильме Нео – обычный человек, которого призвали и инициировали для миссии спасения человечества. Такое понимание роли Христа в истории спасения хотя и не является общепринятым в протестантском мире, однако нередко встречается в некоторых протестантских деноминациях. Образ обычного человека, который внезапно обретает сверхспособности и призывается высшими силами, является общим местом в массовой культуре современности. Как показывает А. Д. Беляев, эта локальная модель сверхчеловека представляет собой секулярный вариант христианского образа спасителя [4]. Созданный в протестантском культурном ареале фильм «Матрица» реализует именно этот вариант.

Сюжетно первый фильм трилогии полностью завершен. Основные семантические оппозиции гибели – спасения, свободы – рабства, смерти – воскресения воплощены в нем в законченном целостном виде. Конец фильма – демонстрация сверхспособностей Нео, его полет, структурно соответствует финалу Евангелия – Вознесению Христа. После этого земная жизнь Христа окончена, всё нужное для спасения он людям дал, дальше люди должны сами работать над собой, чтобы обрести спасение. Этот четкий финал, который ощущается даже наследниками христианской культуры в постхристианском мире, и сделал такими безжизненными и неинтересными продолжения «Матрицы». Комментаторы не даром отмечают сходство с буддизмом, потому что в них Нео начинает свою земную жизнь заново, стремясь к той же цели – пробудить людей к подлинной жизни. Такое вечное возвращение выглядит

естественно в восточной религии, но разрушает всю христианскую концепцию, заботливо выстроенную в первой части.

Итак, сюжет первого фильма «Матрица» (1999) в ряде важных структурно важных моментов повторяет сюжет Нового Завета, а образы двух главных героев фильма на новом материале в жанре кибербанка воспроизводят новозаветные образы Иисуса Христа (Нео) и Иоанна Крестителя (Морфеус).

Список литературы:

1. Беляев Д.А. Художественный текст «Матрицы» как репрезентация симулякра идеи сверхчеловека в дискурсе постмодернистских симуляций // *Фундаментальные исследования*. 2013. №4. Ч. 5. С.1270–1274.

2. Кураев А. Лекция «Матрица» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=uTpDmmJ6Ugs>.

3. Моничев Д. Христианский взгляд на «Матрицу» / Д. Моничев // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. №2 (8), декабрь, 2014. С. 93-107.

4. Беляев Д.А. Концепт «супергерой» как локальный вариант модели сверхчеловека в актуальном пространстве массовой культуры // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос.* 2013. № 2 (20). С.35–42.